

Ольга
Кузнецова

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ПОХИЩЕНИЕ ЧУДОВИЩ

Античность на Руси

Ольга Александровна Кузнецова
Похищение чудовищ.
Античность на Руси
Серия «История и наука Рунета.
Страдающее Средневековье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688888

Похищение чудовищ: Античность на Руси / Ольга Кузнецова: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146219-2

Аннотация

В книге рассказывается о похищении иноземных чудовищ и их превращениях в загадочных русских манускриптах. Вы узнаете о жизни драконов на Руси, о появлении ног у медузы и ехидны, о привлекательных бестиях с чертами прекрасных дев, о том, как между Сциллой и Харибдой разместились трёхголовый пёс, гидра, кит и целый сонм монстров. Наблюдения за метаморфозами античных чудовищ могут быть интересны как специалистам по истории культуры, так и широкому кругу читателей.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Почему похищение?	7
Глава 1	9
Драка с драком	13
Дракон в тени	25
Дракон на потеху	33
Глава 2	42
От чудища к герою	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Кузнецова
Похищение чудовищ:
Античность на Руси

Памяти Александра Евгеньевича Махова

SERENABIT

*Ты, спросишь, почему они скачут под дождем?
Есть верная надежда, что погода улучшится.
Верь в это и гони прочь облака из твоей души*

На обложке – иллюстрация «Царевна ведет змия, укрощенного Георгием Победоносцем» (сборник XVIII в.),

предоставленная Центром исследования древнерусской культуры ЗЕЛО

Рецензенты:

д. ф. н., проф. А. А. Пауткин,

Основатель Центра исследований древнерусской культуры ЗЕЛО Н. В. Буцких

© Кузнецова О.А., текст, 2022

© Издательство АСТ, 2022

Введение

Почему похищение?

В наши дни популярны «перевернутые» истории о том, как доблестный рыцарь отправляется на подвиг, но в итоге решает спасти не принцессу, а дракона. Или о том, как принцесса предпочитает колоритного монстра всем этим заурядным принцам. Несколько сотен лет назад люди тоже очень интересовались чудовищами: рисовали их и подробно описывали. Многих монстров «похищали» из иностранных источников, тексты перерабатывались – в результате возникали русские *свинги* (сфинксы) и *китоврасы* (кентавры), *мандихоры* (манतिकоры) и кентавроидные *медузы*. В Средневековье эти чудовища были в основном злодеями, а читательский интерес к ним возникал скорее как тяга к страшному, невиданному. Зато сегодня наблюдать за метаморфозами чужеземных чудовищ – одно удовольствие. Надеюсь, вы разделите это удовольствие вместе со мной. С благодарностью прочту любые замечания и отвечу на вопросы, их можно направить по адресу o_kuznetsova@mail.ru.

В работе над этой книгой мне помогли многие замечательные специалисты: Николай Буцких, Игорь Вишня, Алла Волошина, Александра Головачёва, Дмитрий Гришин, Илья

Иткин, Анна Куняева, Екатерина Матвеевко, Александр Евгеньевич Махов, Екатерина Пастернак, Алексей Аркадьевич Пауткин, Виолетта Потякина, Анастасия Преображенская, Алёна и Анна Соловьевы, Виктория Ткаченко – этот список далеко не полон. Хочу поблагодарить за вдохновение и отзывчивость коллег из Московского университета, а также слушателей Школы юного филолога имени Л. М. Баш, участвовавших в чудовищном семинаре, особенно Ирину, Наталью и Тимофея Куценко, Александру Батрак, Ольгу Гаврилину, Марию Дурневу, Елизавету Евдокимову, Анастасию Корниенко, Савелия Мальковского, Елизавету Орлову, Алису Островскую, Наталью Павлову, Алекс Пешехонову, Екатерину Попко, Георгия Пушкарёва, Екатерину Судакову, Дарью Фролову, Евгению Фумм.

Глава 1

Похищение драконов

Как ни грустно, в Древней Руси *змий* (он же дракон) был исключительно зловредным персонажем. Этот гигантский могучий монстр – традиционный соперник великого воина. Змей (он же – змий, дракон) – постоянный символ врага (от иноземного захватчика до лукавого идеологического оппонента), дьявола, смерти, ада, всего порочного в человеке. Это проклятие и наказание, посылаемое на целые города. Это, несомненно, одно из худших чудовищ, даже среди геральдических символов. В «Повести о Брунцвике» XVII в. (где, кстати, цель героя – добыть себе вовсе не царевну, а льва на герб) рыцарь наблюдает битву льва с «драком» и после долгих колебаний принимает сторону уставшего льва, то есть приходит ему на подмогу, выступая против огнедышащего чудовища.

Егда же прииде поближе на глас той, и узрев лва да драка, тако бо той змей – драк словет. И силне биются меж собою <...>. И взял меч свой, и прискочив к змею, начат с ним битися, заступая лва, уже бо было лву велми тяжко. А тот драк, сиеречь змей, имел 9 глав, а изо всякой главе огонь, яко ис печи, выходит.

Повесть о Брунцвике

Положительные оценки драконов появлялись на Руси только по недоразумению. Например, в алфавитном словаре XVII в. по соседству объяснялось два иностранных слова: имя *Демофил* – дословно «народолюбец» – и название животного *Дракон* – «змей». Поскольку книги переписывались от руки, в них постоянно проникали ошибки. Правда, такие ошибки редко влияли на культуру кардинально, чаще они оставались отдельными смешными неточностями. Но по таким неточностям иногда можно видеть, как отдельные читатели затрудняются понять смысл какого-либо названия, например, потому что оно совсем новое или в принципе простое [5]. В процессе многочисленных копирований текст про змея и человеколюбца соединился, а потом снова разделился и удвоился благодаря очередному редактору. В результате на разных страницах нового словаря оказались два слова с одинаковыми определениями: «Демофил – змей-народолюбец» и «Дракон – змей-народолюбец» (видимо, слово «Дракон» теперь тоже понималось как имя собственное). Но человеколюбивым змеем все не закончилось. Еще позже в статье о Демофиле появляется пояснение: «толкуется змий народолюбец, дьявол оболгатель, понеже оболгал ко Адаму Бога» («Алфавит»). Абсолютному большинству читателей даже «испорченных» вариантов текста все-таки было ясно: если какой-то дракон и любит людей, то исключительно в гастрономическом отношении.

Несмотря на дурную репутацию, в Средневековье, а затем

и в Новое время чудовища вызывали большой интерес даже у очень образованных, погруженных в книги людей. Поэтому сведения о драконах не только не обойдены вниманием, но бережно собраны и приумножены в русской культуре.

Некий царь сведе дочь свою змею. Муравленный изразец, XVII в.

На рельефном изразце XVII в. изображено, как «некий царь» отдает свою дочь ужасному дракону. В центре картин-ки условный город и сам царь, стоящий в проеме врат. Справа от него несчастная царевна, обращенная к змею. Монстр запечатлен в боевой позе, вылезавшим из норы или озера. Слева и на заднем плане намечены зрители душераздирающей сцены, которая, судя по многочисленным копиям, явно интересовала и забавляла реальных людей XVII–XVIII вв. В другом варианте этого изразца [39] царевна стоит в проеме, а царь изображен возле норы, словно дающим чудищу зарок, а потом и среди зрителей (то есть в одной картинке совмещаются разные моменты, что характерно для древнерусской иллюстрации). Но как бы ни переосмыслились человеческие фигурки при копировании изразцовой формы, как бы ни стирался, превращаясь в витиеватый орнамент, текст верхней надписи, – змей всегда остается в своем убежище, над которым отдельно выписано последнее слово фразы: «ЗМЕЮ». Потому что именно змей и ужасное жертвоприношение, а не какой-то безымянный царь является смысловым центром сюжета, создает его привлекательность.

Драка с драком

На Руси уже из первых переводных книг были известны истории о попытках скормить чужеземных царевен змееподобным монстрам. Самым популярным был сюжет о спасении византийской царевны Елисафы Георгием Победоносцем («чудо о змие»). В литературных изложениях этой легенды большое внимание уделено именно дракону: он размером с гору, он выходит из озера с ужасающими звуками, он дышит огнем и испускает яд (что вообще свойственно змеям). От его свиста кони сбрасывают всадников, а его бронированная чешуя неуязвима для стрел лучников. В Средневековье одно и то же произведение могли переводить или перерабатывать несколько раз: новые редакции часто содержат интересные дополнения, или, наоборот, в них последовательно исключаются какие-то темы. И в поздней пространной редакции этой повести особенно подчеркивается, что перед нами не просто змей, а воплощение самого зла, против которого выступает доблестный и праведный герой [61]. Поэтому торжество святого над драконом с самого начала соотносится со словами Псалтири: «И на аспид и василиск наступит, и попрет льва и змия» (ср. Пс. 90:13). В этой версии змею сопровождают и другие чудовища: «множество сотоническо», бесы, невидимо атакующие людей. У дракона китовая голова (кит, змей и крокодил часто смешиваются и заменяют друг дру-

га в Средневековье) на длинной шее, что напоминает автору гигантское здание, чудовищное вместилище. Наконец, змей прямо называется сатаной и дьяволом, трехговым псом, что роднит его с адским Цербером, ненасытной пастью преисподней, огненной бездной, стремящейся сожрать весь мир (сказано, что погибающие от змея люди оказываются в аду).

Бе же близ града того езеро велико, и родисе у езере том пронырливы змей...

...сии речь дьявол кровопивец, его же величество неудобь сказати, его, да иже с яростию исходяще вон из воды свистанием великим, тогда людие не могоша терпети грозы его, страшны бо бе. Яко из него, егда же из езера исходяще, пуцая грозный яд с пламенем огненным, пожирая множества народа града того...

... Злый же змий грядый, аки гора велика, яко волны вышибая на брег, разверзе челюсти своя, аки пропасть – хотяше пожрети святаго <...> проклятый же свився и наложи язык свой, яко стрелу остру, и яда наполни уста своя, и прыскнув на святаго...

...от пламенного взрения его и злодохновенья пары и страшнаго зезния его всяко спроста ослепляшеса естество, ни стрела бо частых и гордых чешуи его прикасашеса...

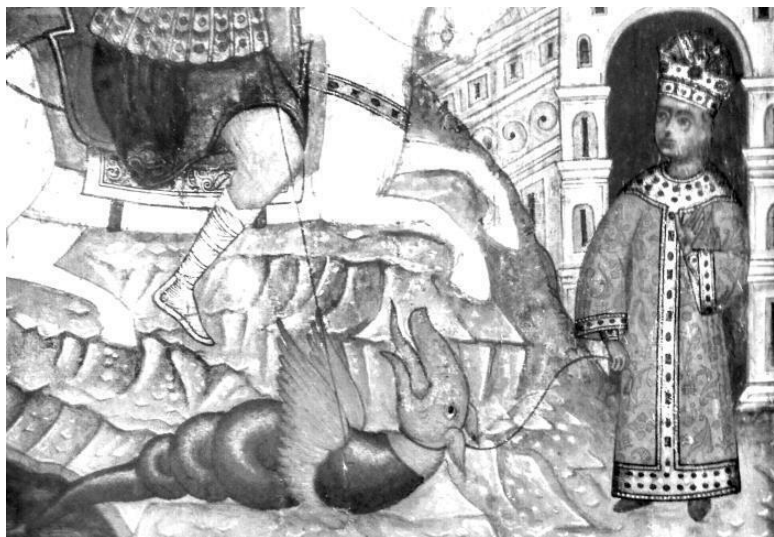
...губительный си зверь от сраженья вод предних же, хоботом его бьемых, от дыма ноздрьнаго и от

пары изригаемо и от верзенаго оногo гортани его, и от искрометною оною очию, и от оногo ужаснаго и злаго взора его <...> въздвиг китовъскую его и неутомленую главу на въздух и многотяжкую его шию, яко комару велику и високу, възнесе и зинув велми, яко пропастью...

Чудо со змеем, бывшее со святым великомучеником Георгием

Собственно, борьба Георгия с драконом не совсем настоящая, это символ. Но многоликий чудовищный образ зла в виде змея для составителей разных редакций этой легенды явно очень привлекателен: они его исследуют, уточняют, подбирают к нему новые сравнения. И если момент схватки с чудовищем не так уж интересен (обычно дракон укрощается чудесным образом, без применения особой силы со стороны героя), то сам змей интересен весьма. На изображениях он размещается под копытами всадника очень аккуратно – так, чтобы можно было рассмотреть во всех изгибах его змеящееся тело, – а тонкий волосок копья, символическое оружие Георгия, не заслоняет собой чудовище. Еще один известный тип изображения – вместе с царевной, «змей на веревочке»: чудовище, связанное пояском, выводится на потеху добрым людям. Поводок обычно держит сама героиня. Униженный дракон ходит «на персех и чревы» – то есть пресмыкается, ползает, как библейский змей-искуситель. Согласно средневековым толкованиям Библии (основанным на тексте Быт. 3:14), змея была лишена ног за пособничество дьяволу после

грехопадения, тогда как «нормальный» вид змеи – именно с лапками, как у дракона. Реально существующие «гады» – черепахи, ящерицы, в том числе даже хамелеоны – осознавались в средневековой культуре как змеи с некоторыми дополнениями: например, с крышкой панциря на спине, – ну а наличие ног у всех этих представителей «рода ехиднина» вполне естественно.

Змий на поясе царевны. Икона «чудо Георгия о змие», нач. XVII в.

Еще одним драконоборцем неожиданно оказался предво-

датель аргонавтов Ясон. На миниатюрах Лицевого летописного свода Ивана Грозного (XVI в.) дракон с длинной верхней губой и торчащим языком изображается несколько раз, встреча с ним является едва ли не главным испытанием героя. Согласно более известной нам античной версии, Ясон должен был вспахать поле, укротив ужасных огнедышащих быков (или волов – халкотавров царя Ээта). А затем его задачей было справиться с воинами, появившимися из чудесных семян – зубов дракона, поверженного раньше другим героем, Кадмом. Про Кадма на Руси становится известно гораздо позже. В XVIII в. издается гравюра со сценой появления воинов из зубов дракона. На ней можно видеть, как Кадм по совету Аполлона бросает в почву последний зуб, а успевшие вылезти из-под земли богатыри уже всю воюют между собой в другой части картинки. Из современных энциклопедий по античной мифологии можно узнать, что часть этих волшебных зубов достается и Ясону в качестве испытания.

Кадм и зубы дракона. «Овидиевы фигуры», XVII в.

Но древнерусский Ясон получает сразу после халкотавров живого дракона, «чешую грозна», да и златорунный баран тоже попадает к аргонавтам вовсе не в виде шкуры, что можно видеть на иллюстрации из Лицевого летописного свода. Откуда это взялось? Дело в том, что истории о приключениях большинства античных персонажей приходят к нам не напрямую из древнегреческих или древнеримских сочинений. Не стоит думать, что Античность попала на Русь и

там, по неведению и небрежности наших предков, совершенно «испортилась». Разногласица в изложении мифов возникает уже в позднем эллинизме и Римской империи, то есть противоречащие друг другу версии рассказывались разными античными писателями. Затем европейские авторы в период Средневековья собирают доступное им античное наследие (к примеру, Гомер вовсе не был так популярен, как сейчас) и переписывают, пересоздают истории чудовищ и героев, исходя из своих интересов и норм морали. На свет появляются совершенно новые художественные и поучительные тексты с античными образами, известные с древности персонажи меняют характеры и роли. Именно такая переосмысленная Античность приходит на Русь, где, конечно, снова подвергается переработке, чтобы встроиться в новую культуру [13; 75].

Ясон, поразивший дракона. «Овидиевы фигуры», XVII в.

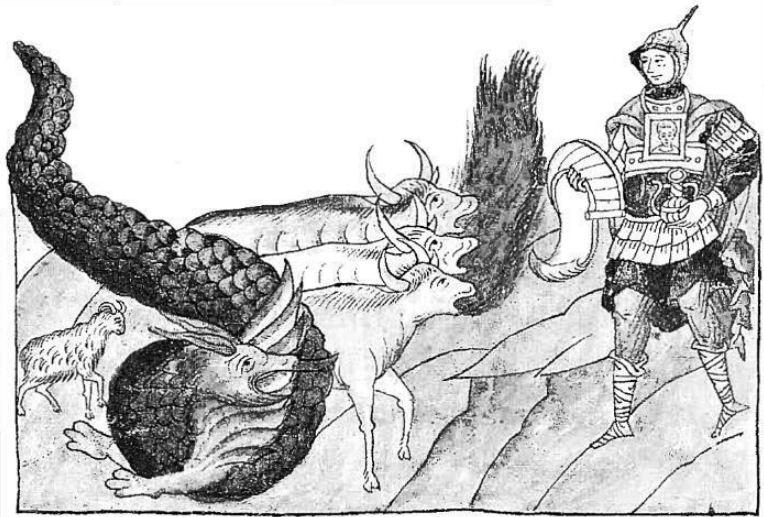
Огнедышащий змей, сопровождающий огнедышащих быков и даже подменяющий их, постепенно рождается из Колхидского дракона – сторожа золотого руна – или пораженного Гераклом стоглавого змея Ладона. В западноевропейских сочинениях и на гравюрах с Ясоном живой дракон присутствует постоянно. Мотив борьбы со змеем в Средневековье становится устойчивым обозначением противостояния дьяволу, ну а чудесный овен довольно удачно соотносится

с Агнцем Господним, так что в Европе в образе аргонавтов стали изображать рыцарей, апостолов и вообще ищущих спасения христиан [85: 205].

И все-таки русские мастера-миниатюристы уделяют этому дракону гораздо больше внимания, чем того требует текст. Змей появляется на шести миниатюрах подряд. На двух он свился, словно затаившись, ожидая своей очереди (Ясон тем временем укрощает волов), на трех развернулся и атакует, на последней попирается героем.

...Язон скоро и смело приходит ко змию. Его же егда же змей к себе приходяща возре, многим свистанием и велиим гласом и грозным поражая воздух, шум створити и испущая дымные пламени, ближней воздух теплым разжиганием и очервлением красит.

Лицевой летописный свод

Испытания Ясона. Лицевой летописный свод, XVI в.

Этот же змей Ясона потом попадает в очень интересное русское сочинение «Книга естествословная» (XVIII в.). Рассказывая об огромных огнедышащих быках с медными но-

гами, автор прибавляет к ним в качестве сторожа змея, который еще и свистит смертоносно, что само по себе и не ново для русских змеев. И быки, и змей, как и подобает чудовищам, прежде всего сторожат сокровище (руно), как было и с Колхидским драконом. Испытания же со вспахиванием и засеиванием поля здесь отходят на второй план, потому что автора «Книги естествословной» вообще не очень интересуют античные герои.

...еще с ними и змий стрег или дракон превеликий, которой такожде изо уст своих испушал великое пламя, к тому ж имел глас пристрашнаго свисту, от коего умирало всякое животно...

Книга естествословная

Впоследствии, в середине XVIII в., на Руси выходили переводные книги с изложением мифов, из которых становится понятно, что змей в конце концов «поглотил» халкотавров и даже умножился. Сказано, что царь Ээт «к руну огнем дышущих змиев приставил», а Ясон «разумным советом царевой дочери змиев победил».

Дракон в тени

В XVII в. еще один похожий античный сюжет приходит на Русь в составе «Сказания о золотом руне волшебного овна» (это перевод из «Хроники» Мартина Бельского, польского текста XVI в.). Там воевода Ясона Геракл (называемый, как это бывает с еще не очень известными иностранными именами, то Еркулес, то Аркулес) случайно видит, как Гесиону, дочь царя Лаомедонта, приносят в жертву морскому дракону. Узнав от девицы ее печальную историю, герой без лишних слов убивает змея. Сцена поединка не описывается – для автора важнее роль, которую сыграло это событие в развязывании военного конфликта с Троей. На миниатюре конца XVII в. с иллюстрациями к этой истории море буквально кишит таинственными животными. Сразу два морских змея нападают на Геракла и едва ли смогут избежать его дубины, однако сама битва не является центром композиции, да и змеи, несмотря на оригинальные прически, не слишком презентабельны.

Геракл избавляет Гесиону от чудовищ. Хронограф, XVII в.

Драконы остаются в тени человеческих поступков и в важном для русской культуры XVIII в. переводном тексте античного происхождения – «Мифологической библиотеке» Псевдо-Аполлодора, который был переведен, дополнен разнообразными комментариями и издан в 1725 г. В этом обширном собрании античных сюжетов о богах, Геракле, Персее, аргонавтах и других героях неоднократно рассказывается, как наказанные богами цари «предложили» (то есть отдали) своих дочерей на съедение чудовищу, однако ни битвы, ни облик чудовищ совершенно не интересуют ни автора, ни переводчика. Сообщается лишь о намерении принести жертву, а затем – о последствиях спасения девы Гераклом или Персеем. Все эти однотипные монстры переведены как *киты*. Кит, угрожающий Гессине, даже ничтожен по сравнению с грозным соперником Георгия Победоносца. Он представляется как некий крокодил, «занесенный» половодьем, который, правда, гоняется за прохожими с известной целью.

...а Посидон напустил Кита, кои был занесен полою водою, который по полю людей ловил, а понеже божественные ответы сказывали, то будут эти напасти отменены, ежели Лаомедонт дочь свою Исиону отдаст Киту снести: того ради он к камням, кои были близ моря, привязав ее, Киту предложил...

...Андромеду обрел, предложена на снедь морскому Кита, понеже <...> Посидон с ними разгневался, послал на Кифеево царство умножение вод и Кита...

Мифологическая библиотека

Конечно, и в XVIII в. победа над змеем остается классическим признаком героя. Но этот сюжет стал настолько общим, что превратился в шаблон, эмблему, иносказание с новым наполнением.

Амур и дракон, эмблема «Победу учиню над лютыми зверми». «Символы и эмблемата» (№ 696), 1705 г.

Амур и Геракл. «Символы и эмблемата» (№ 742), 1705 г.

Амур и Аполлон. «Символы и эмблемата» (№ 726), 1705 г.

В Петровскую эпоху у драконов и змеевидных монстров появляется новый соперник – толстый крылатый мальчишка по имени Амур. Поединок змея и «божка любви» изображался на эмблемах, изразцах, в наивных бытовых росписях.

Неказистый с виду змеборец все-таки выходит из схватки победителем: так иллюстрируется торжество любви над ненавистью, завистью, злобой, принявшей вид змея (иногда многоголового). Грозная сила уступает нежному чувству: этот модный парадокс появляется на эмблемах, где Геракл сидит за прялкой или где змеборец Аполлон сам оказывается под прицелом Амура (в первом издании девиз изобретательно переведен на русский: «Древле богов победитель любовь»).

Дракон на потеху

Популярная в течение XVIII в. переводная пьеса о Дафне и Аполлоне (1710-е, по мотивам произведения Самуэля Твардовского, 1638) тоже была посвящена модным темам любви и ненависти, а ее главный герой сражался с драконом. В начале действия зрители узнают, что ужасный Пито(н) – это очень быстрый змеевидный зверь, стреляющий ядовитым жалом, – постоянно нападает на пастухов и стада. Испуганные пастухи ругают чудовище злой скотиной и ждут помощи от Аполлона, который действительно убивает монстра стрелой из лука. Но поединок является лишь завязкой пьесы. Возможно, его даже не показывали зрителям, поскольку схватку словесно описывает пастух.

Пастырь 2:

Видящи видех: егда змий хождаше,
Аполлон смело его усреташе;
Он зубами скрежета и гласом шумящи
Аполлона вблизиности, пожрати хотяще.
Но он, наляцай лук, в сердце уязвляше.
Славно избавление ввеки буди наше!

*Дафнис, гонением любовнаго Аполлона в древо лавровое
превращенная*

Впрочем, зверь Пито указан среди действующих лиц, и бой мог изображаться в виде пантомимы на заднем плане

или же «через умбры» (театр теней), но пока об этом остается только гадать. Зато точно известно, что в спектакле принимают участие сирены, крылатый вестник Гермес, персонажи в виде звезд – словом, неизбалованному зрителю есть чем полюбоваться. Но основное внимание должно быть приковано к любовным страданиям Аполлона. Возгордившийся змееборец легкомысленно превозносит себя над всеми стрелками и вообще героями, чем вызывает гнев Венеры и Купидона. Ведь все величайшие воины, даже победители Колхидского дракона и Минотавра, побеждаются любовью. Мстительный Купидон при помощи своей волшебной стрелы заставляет Аполлона полюбить нимфу Дафну, страстно и безнадежно. Нимфу он нарочно отвращает от героя, и вместо триумфатора перед зрителем оказывается несчастный влюбленный.

Аполлон и змей. «Символы и эмблемата» (№ 454), 1705 г.

В пьесе «Акт о Калеандре и Неонилде» (1737, по мотивам переводного романа) победа над драконом даже не завязка, а проходной эпизод в череде других ярких сцен. Впрочем, дракон в режиссерской версии текста также указан как персона, и его действительно изображает актер, а не условная

голова на палке. Сцена с появлением чудовища очень динамична. Ужасный морской змей о трех головах угрожает городу («прелюто угрызает вредно»), и даже царю грозит опасность. Как часто бывает, дракон совмещает в себе прожорливое чудовище и ядовитого змея: царь Атигрин опасается и «в челюсти змиины попасти», и что дракон «яд свой змеины в сердце пустит». Победителю змея обещана царевна и полцарства в придачу, так что желающие рискнуть находятся. Все заинтересованные в успешном исходе битвы приносят жертвы богу Аполлону, считая его покровителем змееборцев.

Агролим: Извольте зрети змия прелютейша.

Выходит зми из моря и бросаетца на всех

Алколес: Вижду и ужасаюсь онаго лютеиша.

Атигрин, узрев змея, ужасаяс, глаголет.

Атигрин:

Ужас мя обдержит, егда узрел тако,
змия бо прелютаго вижду ныне всяко,
когда не видал его, не тако боялься,
ныне ж наипаче велма испужался.

Змий бросаетца на Атигрина-цесаря

Бросаетца, рветца на мя, ах ужасно.

Всех хочет проглатити истинно престрашно.

Помозите, любезны, истинныя други,

явите в сем деле сердечны услуги.
Убейте скорее, иль мочи не стала,
иль я, моя надежда конечно пропала.
Аще ж не убиете, вси будем пожреенны,
от онаго лютаго змия пояденны.

<...>

Агролим:

Апполоне, помогай мне споро,
да убию онаго люта змия скоро.

Агролим убивает змия. Убивши змия, глаголет, стоя
на коленях:

Благодарю бога, славна Апполона!

Яко убил он престрашна Пифона,
тако и аз убих змия превелика,
страшна, треглавна, ужасна толика.

Се валяетца, як стерво, на берегу у моря...

Акт о Калеандре и Неонилде

Андромеда, Амур и обезглавленный монстр. «Символы и эмблемата» (№ 728), 1705 г.

Конечно, в эту эпоху представление с драконом нужно было прежде всего для развлечения публики. Освоенный театром монстр не только пугал, но и забавлял. Для сравнения: в средневековом театральном репертуаре, гораздо более на-

зидательном, примерно ту же задачу выполняло появление на сцене прыгающих чертей или смерти с косою. Эти персонажи, страшные по сюжету, все-таки разрешались для демонстрации, но только в дни праздников. Призванные ужасать и внушать душеполезные мысли, на практике они все-таки развлекали зрителей (тем более развлекались юные актеры школьных театров, изображая смерть или какого-то inferнального персонажа). Даже поздние фольклорные записи наглядно показывают разгул чудовищных героев во время народных гуляний, наивное восхищение ими. Зеленые черти постоянно присутствовали на балаганных вывесках и участвовали в кукольных пантомимах (когда герои попадали в игрушечный ад, пылающий бенгальскими огнями). А. Н. Бенуа, вспоминая свои детские впечатления от ярмарочных спектаклей, признавался, что наибольший восторг вызывал в нем звук гонга, который в течение спектакля предупреждал публику о появлении чего-то страшного [26]. Нечисть и всякие дивные существа предьявлялись народу за отдельную плату внутри балаганов (разумеется, это были фальсификации, которые даже не всегда скрывались). Сообщения о пойманных в дальних странах монстрах попадали на лубочные картинки, которые продавались во время тех же увеселительных мероприятий. Воспринималось все это двояко: и в шутку, и всерьез. Зритель желал быть напуганным, одураченным, пораженным [46: 139], и тут на помощь приходили экзотические монстры.

Амур спасает Андромеду, пока Персей сражается с чудовищем. «Овидиевы фигуры», XVII в.

Но в древнерусской культуре дракон упоминался еще и с пользой. Борьба добра со злом была главной темой средневековой русской книжности. Подробные описания демонических персонажей считались нужными не столько для змееборца, сколько для простого человека, который занят самосовершенствованием, ведет «борьбу со змеем» в своей ду-

ше. Сюжетов о поединке с драконом в русской литературе очень много, похищенных и самобытных, но главное, очень разнообразных. Князь Петр Муромский сражается со змием как рыцарь, при помощи волшебного меча, и ему нисколько не уступает епископ Эурейский Донат, победивший чудовище плевком (эта история изложена в русском стихотворении XVII в.). Чем больше складывается таких историй, тем больше появляется авторов, которые подходят к изображению чудовищ изобретательно и эмоционально. Описание дракона – персонажа неканонического и неуважаемого – трудно сделать неприличным, в отличие от более серьезных предметов [36: 88]. Оказываясь вне канона, чудовища эволюционируют гораздо быстрее, чем какие-нибудь ангелы. Они переходят из высокой книжной культуры в массовую, при этом смешиваются или, наоборот, стремятся к разнообразию, понимаются как символы или как реальные звери, которых стоит опасаться. Они особенно подвержены влиянию моды на новые темы. После огромной средневековой популярности в роли дьявола дракон XVIII в. несколько тушует на фоне фантастических приключений, лирических переживаний новых героев и громогласных гимнов земным правителям. Но и в новую эпоху диковинные змеи продолжают появляться в сборниках о загадочной фауне окружающего мира, а их символические изображения возникают в религиозно-философских произведениях снова и снова.

Глава 2

Медузы в печали

Если бы мы могли попасть в русский театр начала XVIII в., хотя бы на «Действие об Есфири» (20-е гг.), то перед нашим изумленным взором, еще не искусственным зрелищным кино и даже цветными иллюстрациями, могла бы предстать грандиозная сцена коронации героини. Актеры выходят и поют славу царице, в торжественной песни звучат такие слова: «Стецытеся, музы, // Прочь, печалны медузы». То есть действующие лица просят муз собраться на праздник, а медуз – убраться прочь, сокрыться от очей и не портить торжество своими печальными лицами. По логике этого текста (и ряда других подобных), музы «отвечают» за радость, непременно сопровождаемую музыкой, потому что они – подчиненные, дочери или «другини» покровителя искусств Аполлона. А медузы – условно «антимузы», то есть воплощения неудач и скорбей, которым в радостный миг не место на сцене. Парность муз и медуз образовалась во многом благодаря удачной рифме, но все-таки почему именно медузы стали печальными? Ведь противницами муз могли быть и, например, сирены, из перышек которых, согласно легенде, музы победоносно сотворили себе венки.

Украшение с маской Медузы. VI в. до н. э.

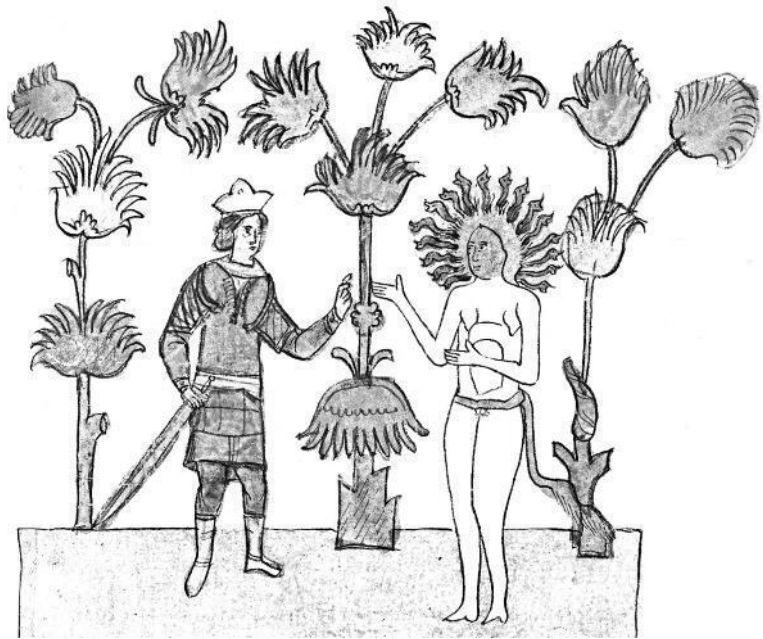
В песне про медуз речь идет, конечно, не о морских животных (которые еще не были известны под таким названием), а об умноженной Медузе Горгоне, которая стала разновидностью зловредного чудовища. Монструозная девица перенесла немало превращений, прежде чем попасть в спектакли в таком условном и обобщенном виде.

От чудища к герою

...И на пути сrete и отроковица едина, девою девица, обуена в страшныи власы глядящи. И став вопроси ея, глаголя: «Како ти есть имя?». И она рече с дерзновением: «Мидуса»...

Хроника Иоанна Малалы

Змееволосая девица Горгона была хорошо известна в древнерусской литературе. Первые рассказы о Медузе и Персее попадают на Русь через Хронику Иоанна Малалы (пер. X–XI вв.). Там, а затем в «Летописце Еллинском и Римском» (с XIII в.) появляется *Мидуса*, «в страшны одета волоса и глазастые». Но, в отличие от наших современников, образованный человек русского Средневековья наверняка сказал бы, что победу над Горгоной одержал Александр Македонский (а точнее, его слуга-волхв по царскому приказу). Отсеченная смертоносная голова Медузы помогала легендарному завоевателю покорять многочисленные народы, а потому часто изображалась на иллюстрациях к «Александрии» – неоднократно переведенному и хорошо известному на Руси средневековому тексту (с XIII в.).

Встреча с Горгоной. «Александрия», XIX

Приключения Александра, с одной стороны, воспринимались как часть мировой истории, а потому включались в летописные своды. С другой стороны, они были очень увлекательным чтением: великий полководец не только воевал с царями, но и встречал разнообразных чудовищ, летал на грифонах, погружался в батискафе в океан и даже спускался в царство мертвых.

Встреча с Горгоной. «Александрия», XIX

Удивительные рассказы часто группируются вокруг прославленных героев – так же складывались циклы о похождениях барона Мюнхгаузена, Ходжи Насреддина, Геракла, рыцарей Круглого стола и так далее. Поэтому настоящая известность к Горгоне (правда, уже под именем не Медузы, а Горгоны) приходит через «Александрию» и «Физиолог» (сборник о символических свойствах животных, пер.

с XV в.), где глава о змееволосом чудовище сопровождается рассказом о победе над ней, одержанной волхвом Македонского. В «Александрии» этот рассказ необходим для сюжета – чтобы узнать, как было получено смертоносное оружие. Но в «Физиологе» он стал одной из bestiарных рекомендаций общего характера о том, как ловить и укрощать всяких диких зверей. Горгона, или девица Горгония, описана как опасное сластолюбивое существо, которое с помощью магии призывает животных, людей и убивает их силой взгляда. Чтобы обмануть чудовище, волхв облачается в царские одежды и называется именем своего господина. Поверив, что к ней идет сам Александр, Горгона соглашается временно на него не смотреть, а потому лишается головы.

Горгония девица имеет лице и перси и нози
человечески и конев хвост...

...имущи лице человеческое и перси, и нози имеет
же и хвост конев...

из описаний Горгоны, XVII в.

На русских иллюстрациях Горгона приобрела лошадиные ноги. Как это произошло? Согласно пришедшему из переводных источников описанию, чудовищная девица имеет человеческие лицо, грудь и ноги, а также хвост коня. Именно такой она изображена и в греческих физиологах, и на некоторых русских миниатюрах-иллюстрациях. Струящийся хвост повторяет контуры копны пестрых змей на голове, но перед

нами прежде всего женщина, которая привлекает и зачаровывает. Иногда роскошный конский хвост Горгонии обвит вокруг ног, словно змеиный, однако тело у нее все еще женское. А в некоторых рукописях в характеристику внешнего вида дивной девицы вкралось маленькое текстовое искажение, вроде запятой в *казнить нельзя помиловать*, принципиально изменившее смысл. Лицо и грудь остались в «человеческой» части, а ноги были отнесены к конской вместе с хвостом. Косвенной причиной метаморфозы могла быть общая популярность на Руси кентавров и сходных с ними существ. Например, уже в следующей главе «Александрии» Македонский встречает телорогов – полулюдей-полузверей с оленьими рогами и парой лошадиных ног.

Горгона. Физиолог Дамаскина Студита, XVIII в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.